

Твен Марк

Похождения Тома Сойера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Марк Т.**
Похождения Тома Сойера / Твен Марк – М.: Книга по Требованию, 2024. – 230 с.

ISBN 978-5-519-76404-9

ISBN 978-5-519-76404-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Богъ святъ! Въ мальчикѣ сидитъ бѣсъ, но какъ же мнѣ быть-то! Вѣдь онъ, бѣдняжка, сынъ покойницы сестры, и у меня не хватаетъ духу его сѣчь. Всякій разъ, какъ спущу ему, меня мучитъ совѣсть; а какъ побью, мое старое сердце готово разорваться. Ну, что подѣлаешь, человѣкъ, рожденный женою, краткодневенъ и насыщенъ печалями, говоритъ Писаніе, и я думаю, такъ оно и есть. Сегодня вечеромъ онъ прогуляетъ школу, и мнѣ придется завтра усадить его за работу, въ наказаніе. Жестоко заставляютъ его работать въ субботу, когда всѣ ребятишки гуляютъ, но онъ ненавидитъ работу больше всего на свѣтѣ, и мнѣ надо же хоть сколько-нибудь исполнить свой долгъ по отношенію къ нему, иначе я погублю этого ребенка.

Томъ прогулялъ школу и провелъ день очень весело. Онъ вернулся домой какъ разъ во-время, чтобы помочь Джиму, цвѣтному мальчику, напилить дровъ на завтра и нащепать лучины къ ужину, — по крайней мѣрѣ, во-время для того, чтобы рассказать Джиму о своихъ похожденіяхъ, пока Джимъ исполнилъ три четверти работы. Младшій братъ Тома (точнѣе сводный братъ) Сидъ уже кончилъ свою работу (собираніе щепокъ), такъ какъ онъ былъ тихій мальчикъ, не сорванецъ. Пока Томъ ужиналъ и по мѣрѣ возможности таскалъ сахаръ, тетка Полли предлагала ему вопросы, полные коварства и чрезвычайно глубокиѣ—такъ какъ разсчитывала вытянуть изъ него важныя разоблаченія. Подобно многимъ простодушнымъ существамъ, она немножко тщеславилась своимъ талантомъ къ темной и таинственной дипломатіи и свои самыя прозрачныя намеки считала чудесами тонкаго подвоха.

— Томъ,— сказала она,— въ школѣ было довольно таки жарко?

— Да.

— Очень жарко, правда?

— Да.

— Небось тебѣ хотѣлось выкупаться, Томъ?

Томъ встрепенулся, у него мелькнуло подозрѣніе. Онъ пристально взглянулъ на тетку Полли, но ничего не прочелъ на ея лицѣ. Онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ... такъ себѣ, не очень.

Старушка протянула руку и пощупала рубашку Тома.

— Но теперь тебѣ не жарко, нѣтъ?

Ей было лестно думать, какъ ловко она убѣдилась, что его рубашка суха, не давъ никому понять, что это и было у нея на умѣ. Но Томъ уже сообразилъ, куда вѣтеръ дуетъ, и поспѣшилъ предупредить новый возможный подходъ съ ея стороны.

— Мы обливали головы у насоса, и мои волосы еще не совсѣмъ высохли. Вотъ пощупайте.

Теткѣ Полли было досадно, что она упустила изъ вида эту маленькую вещественную улику, и дала маху. Но тутъ на нее снова нашло вдохновеніе.

— Томъ, тебѣ вѣдь не нужно было распарывать воротъ рубашки, чтобъ намочить голову? Значить, онъ такъ и остался, какъ я его зашила. Растегни-ка куртку!

Всякій слѣдъ безпокойства исчезъ съ лица Тома. Онъ растегнулъ куртку. Воротникъ оказался зашитымъ.

— Вы подумайте!.. Ну, ступай себѣ. Я была увѣрена, что ты прогулялъ школу и купался. Но я тебѣ прощаю. Томъ, я вижу, что ты немножко образумился,—на этотъ разъ.

Ей было отчасти досадно, что ея проницательность обманулась, но и пріятно, что Томъ оказался хоть разъ послушнымъ мальчикомъ.

Но Сидней сказалъ:

— Какъ же это, вѣдь вы, кажется, зашили ему воротникъ бѣлой ниткой, а у него черная.

— Да, я зашила бѣлой! Томъ!

Но Томъ не сталъ дожидаться послѣдствій. Въ дверяхъ онъ сказалъ:

— Сидди, я тебя вздую за это.

Находясь въ безопасномъ мѣстѣ, онъ осмотрѣлъ двѣ

иголки, приколотыя за обшлагомъ его куртки,—одна съ бѣлой, другая съ черной ниткой.

— Если бы не Сидъ, она бы ничего не замѣтила, — сказалъ онъ.—То она зашиваетъ бѣлой, то черной ниткой. Надо бы за этимъ смотрѣть, но я всегда забываю. Зато ужъ и вздую-же я Сиду. Убей меня Богъ, если не вздую.

Онъ не былъ примѣрнымъ мальчикомъ деревни. Впрочемъ, онъ очень хорошо зналъ примѣрнаго мальчика и терпѣть не могъ его.

Минуты двѣ, или даже меньше, спустя, онъ уже забылъ о своихъ злополучіяхъ. Не потому, чтобы они были менѣе тяжелы и горьки для него, чѣмъ злополучія взрослога для взрослога, но потому, что новый и мощный интересъ овладѣлъ имъ и вытѣснилъ ихъ изъ его души; такъ вѣдь и неудачи взрослыхъ забываются въ увлеченіи новыми предпріятіями.

Это новое увлеченіе относилось къ интереснѣйшему способу свиста, которому научилъ его одинъ негръ. Теперь онъ хотѣлъ испытать его на досугѣ и безъ помѣхи. Нужно было во время свиста прижимать языкъ къ небу, черезъ коротенькіе промежутки времени — выходило совсѣмъ, какъ у птицы, длинная и звонкая трель. Читатель, вѣроятно припомнитъ, какъ это дѣлается, если былъ когда нибудь мальчикомъ. Усердіе и вниманіе Тома скоро увѣнчались успѣхомъ, и онъ пошелъ по улицѣ, съ музыкой на губахъ и восхищеніемъ въ душѣ. Онъ чувствовалъ себя приблизительно такъ, какъ астрономъ, открывшій новую планету. Но безъ сомнѣнія, преимущество чистаго, глубокаго, безмятежнаго наслажденія было на сторонѣ мальчика, а не астронома.

Лѣтніе вечера долги. Было еще свѣтло. Внезапно Томъ пересталъ свистать. Передъ нимъ стоялъ незнакомецъ, мальчикъ немножко побольше его. Новое лицо какого бы то ни было возраста или пола было сенсаціоннымъ явленіемъ въ бѣдной маленькой деревушкѣ С.-Питерсбургъ. Этотъ мальчикъ былъ хорошо одѣтъ, — слишкомъ хорошо для будней.

Просто ослѣпительно. Нарядная шляпа, синяя курточка, застегнутая на всѣ пуговицы, новенькая и чистенькая, и такіе же панталоны. На ногахъ бѣгинки — а вѣдь была еще только пятница! Мало того, на шеѣ у него красовался галстучекъ съ бантомъ. Его городской видъ задѣлъ Тома за живое. Чѣмъ дольше Томъ смотрѣлъ на это великолѣпное явленіе, тѣмъ выше задиралъ носъ на его щегольство, и тѣмъ оскорбительнѣе чувствовалъ непрезентабельность собственной внѣшности. Оба мальчика молчали. Когда двигался одинъ, двигался и другой, но бокомъ, по косой линіи. Они оставались лицомъ къ лицу и не спускали другъ съ друга глазъ. Наконецъ, Томъ сказалъ:

— Я тебя тресну!

— Посмотрю я, какъ ты это сдѣлаешь.

— Очень просто могу сдѣлать.

— Очень просто не можешь.

— А вотъ могу!

— А вотъ не можешь.

— Нѣтъ, могу.

— Нѣтъ, не можешь.

— Могу.

— Не можешь.

Неловкое молчаніе. Затѣмъ Томъ спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Это не твое дѣло.

— Захочу, такъ будетъ мое.

— Нѣтъ, не будетъ.

— Поговори еще, такъ увидишь.

— Говорю-говорю-говорю! Ну, что-жъ ты?

— О, ты думаешь, что ты важный франтъ? Я тебя одной рукой уберу, если захочу.

— Ну, что жъ ты не убираешь? Вѣдь ты говоришь, что можешь это сдѣлать.

— И сдѣлаю, если ты вздумаешь дразнить меня.

— О, да — видалъ я такихъ нищихъ.

— Франтъ! ты думаешь, что ты важная птица.

— Охъ, какая шляпа!

— Ну-ка, тронь эту шляпу, если она тебѣ не нравится. Попробуй! сбить ее съ меня; кто попробуетъ, тому я носъ расквашу!

— Лгунъ!

— Самъ такой!

— Ты задира и лгунъ, и ничего не смѣешь.

— Ну — проваливай.

— А вотъ коли будешь еще приставать ко мнѣ, такъ я и хвачу тебя камнемъ по головѣ.

— Что и говорить,хватишь.

— Ну да, хвачу.

— За чѣмъ же дѣло стало? Болтать болтаешь, а дѣлать не дѣлаешь. Потому что боишься.

— Я не боюсь.

— Нѣтъ, боишься.

— Не боюсь.

— Боишься.

Новая пауза, и еще болѣе пристальное разглядыванье и похаживанье другъ подлѣ друга. Теперь они стояли плечомъ къ плечу. Томъ сказалъ:

— Убирайся отсюда!

— Самъ убирайся!

— Я не пойду.

— И я не пойду.

Такъ простояли они нѣсколько времени, оба отставивъ ногу подъ угломъ для опоры, напирая одинъ на другого изо-всѣхъ силъ и съ ненавистью глядя другъ на друга. Но никому не удалось сдвинуть другого. Послѣ молчаливой борьбы, продолжавшейся до тѣхъ поръ, пока лица у обоихъ налились кровью, оба осторожно разступились, и Томъ сказалъ:

— Ты трусишка и щенокъ. Я скажу про тебя моему старшему брату, а онъ можетъ тебя мизинцемъ прищелкнуть; и такъ и сдѣлаетъ, если я его попрошу.

— Боюсь я очень твоего старшего брата! У меня есть братъ, побольше твоего; онъ его черезъ этотъ заборъ перекинеть. — (Оба брата существовали только въ воображеніи).

— Вранье.

— Не станетъ враньемъ оттого, что ты это говоришь.

Томъ провелъ по пыли черту большимъ пальцемъ ноги и сказалъ:

— Попробуй переступить эту черту, я тебя отколочу такъ, что не встанешь. Всякій, кто переступитъ, получить трепку.

Новый мальчикъ быстро переступилъ черту и сказалъ:

— Ну, ты говорилъ, что отколотишь меня, посмотримъ, какъ ты это сдѣлаешь.

— Не лѣзь ко мнѣ, лучше убирайся.

— Нѣтъ, ты сказалъ, что отколотишь — попробуй же.

— Я не я, коли не отколочу за два цента.

Незнакомый мальчикъ вынулъ изъ кармана два мѣдяка и насмѣшливо протянулъ ихъ.

Томъ сбросилъ ихъ на землю.

Въ слѣдующее мгновеніе оба мальчика катались и барахтались въ пыли, сцѣпившись, какъ кошки; съ минуту они трепали и таскали другъ друга за волосы и за одежду, царапали и разбивали другъ другу носы, покрываясь пылью и славой. Затѣмъ схватка приняла болѣе опредѣленный характеръ; въ туманѣ сраженія выдѣлялась фигура Тома, который сидѣлъ верхомъ на своемъ противникѣ и тузилъ его кулаками.

— Живота или смерти? — спрашивалъ онъ.

Другой мальчикъ только барахтался, стараясь освободиться. Онъ плакалъ главнымъ образомъ отъ бѣшенства.

— Живота или смерти? — Расправа продолжалась.

Наконецъ незнакомецъ пробормоталъ сквозь слезы: „живота!“, и Томъ выпустилъ его, сказавъ: — это тебѣ наука. Впередъ смотри, съ кѣмъ связываешься.

Нарядный мальчикъ ушелъ, отряхивая пыль съ одежды, всхлипывая. Фыркая носомъ, по временамъ оглядываясь на

Тома и обѣщая задать ему, если тотъ „попадется ему другой разъ“. На это Томъ отвѣчалъ насмѣшками, и пошелъ своимъ путемъ, торжествуя побѣду; но лишь только онъ повернулся спиной къ новому мальчику, послѣдній схватилъ камень, швырнулъ его, попалъ Тому между плечъ, и помчался съ быстротою антилопы. Томъ гнался за нимъ до самого дома, и такимъ образомъ узналъ, гдѣ онъ живетъ. Тутъ онъ постоялъ нѣсколько времени у воротъ, приглашая врага выйти, но врагъ только строилъ ему гримасы изъ окошка и отклонялъ вызовъ. Наконецъ, появилась мать врага, назвала Тома гадкимъ, сквернымъ, грубымъ мальчишкой, и потребовала, чтобъ онъ убирался. Тогда онъ ушелъ, заявивъ, что еще считается съ мальчикомъ.

Онъ пришелъ домой довольно поздно ночью, осторожно влѣзъ въ окно и попалъ въ засаду, очутившись въ рукахъ тетки. Когда она освидѣтельствовала состояніе его костюма, ея рѣшеніе превратить для него субботу въ день плѣненія и тягостнаго труда приобрѣло адамантовую твердость.

ГЛАВА II.

Искушенія.—Стратегическія уловки.—Простофили попались.

Наступило утро субботы, и весь лѣтній міръ былъ ясенъ, свѣжъ и полонъ жизни. Въ каждомъ сердцѣ звучала пѣсня, а если сердце было молодо, пѣсня рвалась съ губъ. У всѣхъ лица дышали счастьемъ, у всѣхъ походка сбивалась на танецъ. Акаціи стояли въ цвѣту, и благоуханіе разливалось въ воздухъ.

Кардифъ Гилль, холмъ, возвышавшійся за деревней, былъ одѣтъ зеленью и находился достаточно далеко, чтобъ казаться Волшебной Страной, очаровательной, мирной и заманчивой.

Томъ появился на тротуарѣ съ ведеркомъ извести и кистью на длинной ручкѣ. Онъ посмотрѣлъ на заборъ, и

природа омрачилась, и глубокая скорбь овладѣла его духомъ. Заборъ въ тридцать ярдовъ длины и девять футовъ высоты! Жизнь показалась ему пустой шуткой, существованіе бременемъ. Со вздохомъ обмакнулъ онъ кисть въ известковый растворъ и провелъ ею по самой верхней планкѣ; повторилъ эту операцію; еще разъ повторилъ; сравнилъ ничтожную бѣлую полоску съ необъятною ширию некрашеннаго забора и обезкураженный, устылся на деревянную кадушку. Джимъ въ припрыжку выбѣжалъ изъ воротъ съ жестянымъ ведромъ, напѣвая „Дѣвки въ Буффало“. Носить воду изъ деревенской водокачки всегда было ненавистной работой въ глазахъ Тома, но теперь она представилась ему въ новомъ свѣтѣ. Онъ вспомнилъ, что у водокачки всегда собиралась компанія. Мальчики и дѣвочки—бѣлые, мулаты и негры—вѣчно толкались тамъ, дожидаясь очереди, отдыхая, мѣняясь разными бездѣлушками, ссорясь, задавая другъ другу потасовки, играя. Вспомнилъ онъ и то, что хотя водокачка находилась всего въ полутораста ярдахъ, но Джимъ никогда не возвращался съ ведромъ раньше, чѣмъ черезъ часъ, да и то обыкновенно приходилось посылать за нимъ. Томъ сказалъ:

— Послушай, Джимъ; я сбѣгаю за водой, а ты покрась за меня.

Джимъ покачалъ головой, и отвѣтилъ.

— Нельзя, ма'сръ Томъ. Старая миссисъ сказала, чтобъ я шелъ за водой и ни съ кѣмъ бы не говорилъ. Она сказала, что ма'сръ Томъ будетъ просить меня покрасить за него—такъ чтобы я шелъ и дѣлалъ свое дѣло, а она будетъ смотрѣть, не крашу ли я.

— О, мало ли что она говорила! Она всегда это говоритъ. Дай-ка ведро,—я мигомъ слетаю. Она ничего не узнаетъ.

— О, я не смѣю, ма'сръ Томъ. Старая миссисъ сказала, что она мнѣ голову оторветъ. Правда оторветъ.

— Она! Она никогда никого не бьетъ—развѣ стукнетъ по головѣ наперсткомъ, такъ вѣдь это никому не страшно. Она

только грозить, да вѣдь отъ словъ не больно—если только она сама не плачетъ. Джимъ, я подарю тебѣ шарикъ. Я подарю тебѣ бѣлый шарикъ.

Джимъ началъ колебаться.

— Бѣлый шарикъ, Джимъ; вѣдь это чего нибудь да стоитъ!

— Еще бы, чудесная штука; я знаю. Но, ма'сръ Томъ, я страхъ боюсь старой миссисъ.

Но Джимъ былъ человѣкъ—искушеніе оказалось сильнѣе его. Онъ поставилъ ведро, взялъ бѣлый шарикъ. Въ слѣдующее мгновеніе онъ летѣлъ по улицѣ съ ведромъ въ рукахъ и зудомъ въ затылкѣ. Томъ усердно мазалъ заборъ, а тетка Полли удалялась съ мѣста дѣйствія съ туфлей въ рукѣ и торжествомъ во взорѣ.

Но энергія Тома быстро упала. Онъ сталъ думать о забавахъ, которыхъ ожидалъ отъ этого дня, и горестъ его удвоилась. Другіе мальчики скоро пустятся во всевозможныя восхитительныя экспедиціи, будутъ издѣваться надъ нимъ по поводу его работы,—эта мысль жгла его огнемъ. Онъ вытащилъ изъ кармановъ свои мірскія сокровища и осмотрѣлъ ихъ:—игральные шарики, осколки, разныя бездѣлки; хватитъ, пожалуй, чтобъ обмѣняться работой, но и думать нечего купить хоть полчаса настоящей свободы. Онъ снова спряталъ въ карманъ свое скудное имущество, и отказался отъ мысли подкупить мальчиковъ. Въ эту мрачную и безнадежную минуту его осянило вдохновеніе. Да, великое дивное вдохновеніе, ни болѣе, ни менѣе. Онъ взялъ кисть и спокойно принялся за работу. Вдали показался Бенъ Роджерсъ; въ деревнѣ не было мальчика, чьи насмѣшки были для него страшнѣе. Походка у Бена была подплясывающая, подпрыгивающая; это свидѣтельствовало, что на сердцѣ у него легко и перспективы его лучезарны. Онъ ѣлъ яблоко, а въ промежуткахъ издавалъ протяжный, мелодичный вой, за которымъ слѣдовало низкое „динъ-донъ-донъ, динъ-донъ-донъ“, такъ какъ онъ изображалъ собой пароходъ. Подойдя ближе,

онъ замедлилъ ходъ, направился на середину улицы, сильно подался вправо, затѣмъ грузно повернулъ, и все это съ подобающей важностью и солидностью, такъ какъ олицетворялъ „Большой Миссури“, и считалъ, что сидитъ на десять футовъ въ водѣ. Въ лицѣ его совмѣщались пароходъ, капитанъ и звонокъ машиниста, такъ что онъ воображалъ себя стоящимъ на собственной рупкѣ, отдающимъ приказанія и исполняющимъ ихъ.

— „Стопъ, сэръ! Лингъ-а-лингъ-лингъ“.—Пароходъ пріостановился и медленно повернулъ къ тротуару.—„Задній ходъ. Лингъ-а-лингъ-лингъ!“—Его руки выпрямились и вытянулись вдоль боковъ.—„Правымъ бортомъ назадъ! Лингъ-а-лингъ-лингъ! Шу-ш...шу...у...шу!“—тѣмъ временемъ его правая рука описывала большіе круги, такъ какъ изображала сорока-футовое колесо.—„Лѣвымъ бортомъ назадъ! Лингъ-а-лингъ-лингъ! Шу...ш...шу...шу!“

Лѣвая рука стала описывать круги.

— Стопъ правый бортъ! Лингъ-а-лингъ-лингъ! Стопъ лѣвый бортъ! Впередъ правымъ бортомъ! Стопъ! Поворачивай тихонько носъ! Лингъ-а-лингъ-лингъ! Шу-у-у! Вытягивай передній канатъ! Живо, шевелись! Ну, что у васъ тамъ со шпрингомъ? Закидывай канатъ за сваю! Теперь причаливай! Остановите машину, сэръ! Лингъ-а-лингъ-лингъ! Шт! шт! шт!— (Дѣлая промѣръ).

Томъ бѣлилъ себѣ заборъ—а на пароходъ нуль вниманія.

Бенъ посмотрѣлъ на него съ минуту, потомъ сказалъ:

— Гы-ы!.. Это ты свая, а?

Никакого отвѣта. Томъ разсматривалъ свой послѣдній мазокъ окомъ художника; затѣмъ слегка провелъ кистью, и снова полюбовался результатомъ. Бенъ причалилъ къ нему бортъ о бортъ. У Тома слюнки потекли при видѣ яблока, однако, онъ не отрывался отъ работы. Бенъ сказалъ:

— Эй, старина! Работать заставили?

— А, это ты, Бенъ! А я и не замѣтилъ